

СЕРИЯ «МИРЫ ОЛЬГИ КУНО»:

ЗАПИСКИ ФАВОРИТКИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА
ТОРНСАЙДСКИЕ ХРОНИКИ
НЕВЕСТА ПО ЗАВЕЩАНИЮ
ЖЕНА ПО ПРИЗВАНИЮ
В ПОЛУШАГЕ ОТ ЛЮБВИ
ГОЛОС МОЕЙ ДУШИ

Ольга Куно

ГОЛОС МОЕЙ
ДУШИ

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
К91

Куно, О.

К91 Голос моей души / О. Куно. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. – 560 с.: ил. – (Миры Ольги Куно).

ISBN 978-5-521-91470-8

Что делать, если вас оклеветали, лишили титула и посадили в тюрьму, а ваша сокамерница оказалась призраком, да к тому же весьма острым на язык? Конечно же бежать! А призрак поможет. Предупредит об опасности, укажет дорогу и поддержит веселой болтовней в трудную минуту. Остается перебраться за границу, начать жизнь с чистого листа и надеяться, что рано или поздно призраку удастся возвратиться в собственное тело и обернуться молодой привлекательной женщиной. А уж тогда берегитесь, обидчики!

BIC FM
BISAC FIC009000

© Ольга Куно, текст, 2020
© Ольга Кандела, обложка, 2020
© Елена Чернова, иллюстрации, 2020
© Галина Чернецкая, иллюстрации, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
ISBN 978-5-521-91470-8 © Т8 Издательские технологии, 2020

Что делать, если вас оклеветали, лишили титула и посадили в тюрьму, а ваша сокамерница оказалась призраком, да к тому же весьма острым на язык? Конечно же бежать! А призрак поможет. Предупредит об опасности, укажет дорогу и поддержит веселой болтовней в трудную минуту. Остается перебраться за границу, начать жизнь с чистого листа и надеяться, что рано или поздно призраку удастся возвратиться в собственное тело и обернуться молодой привлекательной женщиной. А уж тогда берегитесь, обидчики!

Глава 1

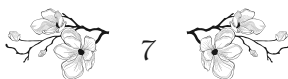
*Я вижу небо разве только во сне,
Что с энных пор неудивительно даже:
Я этой участи достоин вполне —
Ведь таково, признайтесь, мнение ваше!*

Канцлер Ги. Bagerlee Blues

В тюрьме все было как всегда — тихо, темно и пусто. Единственным источником освещения являлся одинокий факел, догоравший в дальнем конце коридора. Его прилежно зажигали раз в сутки, даже не знаю, для чего и для кого. Когда он догорал, эта часть тюрьмы погружалась в абсолютную темноту — до истечения суток и очередного прихода стражи. Именно с такой частотой представители правопорядка посещали нижний тюремный этаж. Здесь содержались те заключенные, о существовании которых все предпочитали забыть.

Я устроилась на своем обычном месте под потолком, над головой у прикованной к стене узницы. Она стояла, вернее, фактически висела, склонив голову вниз, и уже давно не подавала признаков жизни. Поднятые вверх руки были скованы цепями, прикрепленными к проделанным в стене кольцам. Длинные пряди давно не чесанных волос свисали, закрывая лицо от посторонних взглядов, которые, впрочем, некому было устремлять в сторону заключенной. Кровоподтеки на руках давно засохли и теперь

покрывали кожу темной коркой. На блузе — бурое кровавое пятно, растекшееся также и на юбку. Молодая женщина пока дышала, но совсем слабо. Я с грустью окинула ее взглядом. Долго она не протянет.

Сперва я даже не услышала звук, а скорее почувствовала легкую вибрацию в воздухе. Кто-то идет. Странно. В это время суток обхода не бывает. Или, возможно, у меня окончательно сбилось ощущение времени? При моих нынешних обстоятельствах это не мудрено.

Но нет, как вскоре оказалось, я была права. Это действительно не был регулярный обход. Просто в камеру доставили нового заключенного. Заинтересовавшись, я немного передвинулась со своего места, чтобы иметь возможность получше рассмотреть происходящее. Видимо, узник был из непокорных. Во всяком случае, вели его двое стражников, заломив руки за спину. Еще один стражник шел впереди. Именно он открыл дверь камеры, той самой, в которой находилась и я, после чего заключенного зашвырнули внутрь. Он не удержался на ногах, зашипел и выругался, сильно приложившись плечом и рукой об пол.

Дверь захлопнулась и была сразу же закрыта на замок. Не задерживаясь, стражники зашагали прочь. На узницу бросили лишь мимолетный взгляд. Никакого изменения в ее состоянии никто уже не ожидал.

Все еще ругаясь, мужчина поднялся на ноги. Подошел к двери, потирая на ходу ушибленное плечо. Там, где он ударился наиболее сильно, был разорван рукав. Впрочем, это не слишком ухудшило состояние одежды заключенного. Рубашка, давно утратившая белый цвет, уже была разодрана в нескольких местах, к тому же у нее оторвалась пара пуговиц. Однако когда-то одежда была дорогой и весьма приличной; это и сейчас можно было определить по изящному, но перепачканному воротнику и сохранившимся пуговицам — насколько я могла судить со своего места, серебряным.

Я ожидала, что узник станет кричать стражникам вслед. Трясти решетку, угрожать, требовать, биться в истерике. Рано или

поздно так делают очень многие. Почти все. Но, видимо, было не то слишком рано, не то слишком поздно. Заключенный просто мрачно смотрел туда, откуда его недавно привели. Туда, где только что исчезли из виду спины его конвоиров. Потом развернулся и со вздохом оглядел камеру. Видимо, его несколько дней держали в каком-то другом месте, прежде чем перевести сюда. И он уже успел понять, что криками тут ничего не добьешься. Однако же и отчаяние еще не овладело им окончательно. Это видно по взгляду — напряженному, злому, тоскливому, но не потухшему. Впрочем, долго ли ему осталось? В такой глубине гаснет все, как ежедневно демонстрирует самым непонятливым одинокий чадающий факел. Может быть, его поэтому здесь и оставляют?

Узник посмотрел на прикованную к стене девушку, нахмурился, покачал головой. Больше никого не увидел.

— Привет. Добро пожаловать! — вежливо произнесла со своего места я.

Как-никак новый сосед.

Мужчина вздрогнул. Снова взглянул на девушку, понял, что она ничего сказать никак не могла, и продолжал осматривать помещение. И, что совершенно неудивительно, опять никого не обнаружил. Он уже собирался списать все на собственное воспаленное воображение, когда я заговорила снова:

— Располагайся, устраивайся поудобнее. Ничего, что я на «ты»? Обстановка, знаешь ли, не слишком располагает к формальностям.

Пока я говорила, заключенный подозрительно посмотрел на девушку, но ее губы оставались неподвижны. Тогда он поднял голову, инстинктивно понимая, что голос звучит откуда-то сверху. Теперь он смотрел точно туда, где расположилась я. Но видеть меня, ясное дело, не мог.

— Кто это говорит? — громко спросил заключенный с раздражением, какое бывает свойственно людям определенного склада, когда ситуация выходит у них из-под контроля. — Кто ты?

— Голос в твоей голове, — не удержавшись, ответила я. — Знаешь, некоторые люди, когда оказываются в тюрьме, сходят с

